

ПРИЛОЖЕНИЯ

Рассказ

Опя-я-ять пиликает...

И запах лилий этот прилипчивый, зачем он только их взял по акции! Хотелось пройтись с цветами по улице, словно бы есть кому их дарить.

Пиликает...

У него за эту неделю случилось уже пять отбоев, и этот заказ нужно принять. А спать-то как хочется... Вчера только прикинул, что вызовы дают отключки ему в среднем не более пяти часов кряду.

Пиликает...

Да что же, нет никого больше в районе по этой специальности?!

— Василий, заказ на Таврической улице, двадцать пять автоматически был назначен вам. Согласно SLA, срок реакции три минуты, — раздался механический женский голос.

— Алиса, я принял. Набери клиента.

— Набираю Веру Ивановну, заявка второго уровня по направлению сантехники.

— Алло.

— Здравствуйте, — ответила женщина, судя по голосу, лет семидесяти.

— Сантехник Василий. Вера Ивановна, расскажите, пожалуйста, что случилось, чтобы я мог взять нужный инструмент.

— Да вы знаете, молодой человек, что-то течет опять из-под раковины. Приходил уже из Кликсервиса парень, две минуты поковырялся и убежал. Починил вроде. Я ему пять звезд даже поставила, и вот снова течет. Был-то он только вчера.

— Ясно. А не сказал он, что там было?

— Сказал, что подтянул что-то, а что, я уж не знаю. Течет-то только, если я воду включаю, так не течет.

— Ясно. Вера Ивановна, я буду минут через двадцать.

На часах уже полночь, в онлайн-транспорте автобусов нужного направления не видать. Проверил каршеринг — на большом перекрестке свободный «пегас». Нажал кнопку бронирования, ввел личный номер («пегас» — это партнеры, и будет скидка), взял свою базовую сумку с инструментами и вышел за дверь.

Квартира Веры Ивановны была в старом здании с огромной трещиной, с нашлепками маячков по всей ее длине. Дом — махина из той эпохи, что мама называла «при царе». Лифт здесь предусмотрели, поэтому подъем на пятый этаж мучений ослабшего организма не вызвал. Хозяйка открыла в старом халате поверх какой-то другой одежды, повела по длинному коридору и через холл с паркетом елочкой, который Василий видел когда-то в детстве, в расположенную за углом ванную комнату.

Вода, как только ее включили, с готовностью потекла прямо на пол из-под раковины. Сантехник вытянул в середину фаянсовую ногу, формы, которой почти уже и не встретишь, пошевелил, покопался в суставах водопровода, попросил ведро и ловко заменил прокладку конусом. Задвинул, прискрипнув, обратно белую ногу.

— Готово, прокладка у вас совсем истлела, я поменял.

— Спасибо, — сказала хозяйка с недоверием, — а это надолго? Ванну-то еще при царе Горохе делали, может, опять полетит?

— Почти уверен, что еще лет на десять, — сказал он с улыбкой на это вот «при царе».

Они потрепались еще несколько минут, и, попрощавшись корпоративным девизом, на том же «пегасе» он подъехал домой. Счетчик суток в рабочем приложении перешелкнулся, когда он завершал аренду авто, и Василий с облегчением нажал на кнопку «Выход с линии». Засыпая, он не мог понять, откуда взялась легкая тревожная несбалансированность.

«Тревожно-хорошая или тревожно-плохая?.. Ух, пора спать».

* * *

Очнувшись на следующее утро, он взял телефон, палец при этом впился в дактилодатчик. Схватил картину мира, пробежав по заголовкам из топа новостей, глянул, что там у «друзей» в ленте, проверил, что пишут в любимых чатах: в очередной раз переносилась встреча выпускников в его уральской школе, а смешные картинки перемежались новостями о сотнях убитых.

Календарь напомнил о дне рождения двоюродного брата, Василий нашел подходящее видео и отправил вместе с поздравлением. И сейчас же сообразил, что теперь воскресенье — такой выходной — штука, давно позабытая.

Уже сидя за чашечкой растворимого кофе и электронной сигаретой почти без дыма, он прикинул баланс минувшей недели: выходило плюс три да еще плюс четыре за квартал на пяти звездах, что ему позволяло излишества. Сегодня изящным излишеством стал запуск приложения Дейтинг, где Василий с удовольствием создал свидание с некой Марией, за профилем которой послеживал уже с месяц.

Двоюродный брат ответил «спасибо», и Василий оставил его в зоне уведомлений непрочитанным сообщением. Через это он зато вспомнил маму. Она пришла к нему теперь в виде образа, захваченного пять лет назад на кухне старенького домишки. Все воспоминания о маме у него хранились по уголкам как набор открыток (по одной за каждые несколько лет): вот она провожает его на одичавшей железнодорожной станции; вот следующая, где оперлась на лопату на раскученной по-осеннему грядке; а вот на могиле отца; и еще одна, где она машет ему из окна автобуса, отходящего от упомянутой станции. Тощая стопка открыток.

Молниеносный пролет до Урала и обратно в Питер — умозрительное путешествие, от которого потеплело на пару градусов. И нежность, и жалость, и споткнувшееся на мгновение сердце. Мама в теплой валяной обуви, с шалью, в жакете и заботах уездного препода.

И вот уже открыт на экране агрегатор билетов, и среди всех возможных способов передвижения ищется оптимальный. Ищется, но нет вариантов на этот месяц, кроме дорогого бизнес-класса. Зато р-р-раз, и пришел купон на то, чтобы споловинить по стоимости путешествие на популярный морской курорт, где все из ленты давно побывали. Да, дороже, чем бизнес-класс к маме, но счетчик на страничке уже на излете, девяносто минут — и конец предложения. Чего тут взвешивать, на Урал он еще успеет. Пять кликов, код из текстового сообщения, и все — через месяц он наслаждается пляжной жизнью! Да! Выходные начались неплохо. Даже забыл позвонить маме.

* * *

Еще добывая завтрак, он схватил «пегаса» поблизости и кинул на страницу статус: «Еду на вейк в Озерки. Кто со мной?» Новая забава — мчаться по пруду на утлой дощечке, держась за веревку и прыгая вошью. Двое откликнулись. Одного из них Василий знал.

До Озерков — сорок минут, электронный навигатор сказал, что по этой стороне канала стоит уже вскоре пробка, поэтому с небольшим нарушением Василий переметнулся на другую. Глядя оттуда сквозь ажурную ограду, увидел, что затора нет, опять приключение его обмануло. Что-то зачатило. Додумать не успел, все та же карта намекнула на заправку, расположенную дальше по течению, там сегодня акция на кофе. Кофе после завтрака не был уж так необходим, но заканчивалась курительная ампула, да и машина просила бензина. Хорошо, что поехал здесь — получилось удобно. Заправился, купил жидкий табак. Купил кофе. По акции.

Катание вышло отменное. Было весело. Позже страницы у него и обоих знакомцев расцвели короткими видео и снимками острых моментов на вейке со смешными ярлычками под ними; снимками с последующей посиделки в новой кофейне, ударявшей по уличной еде; снимками просто так, с сериями мелких картинок, призванных заменить слова. Договорились повторить как-нибудь.

Таксист по пути домой пересказывал дрянные забавы из шоу «Отцы и дети», где дети учились строить родителям каверзы. Василий слушал сквозь дрему, пока не получил сообщение с часом прибытия курьера из сервиса доставки еды. Коммутация в голове после этого события прошла как-то необычно, и он опять вспомнил маму. Запустил агрегатор билетов в родном направлении — не было даже бизнес-класса. До прихода курьера было еще время, и он попросил таксиста завернуть к аэрокассам.

В прошлый визит несколько лет назад здесь сидели рядом застекленные девушки и с удовольствием совали в окошки билеты. А сейчас помещение осиротело, не потеряв, правда, при этом функционала. Даже прибавило — теперь можно выбрать любой способ передвижения, а в шеренгу стоят на широких ногах красавцы автоматы, говорящие на разные голоса. По залу же слоняется одинокая погонщица их, помогая новичкам делать запросы.

Василий дождался, когда освободится один из электроклерков, авторизовался и умело забил даты и названия населенных пунктов. После чего убедился, что распорядительство билетами ведется централизованно: и здесь, и в приложении на телефоне результат — один и тот же. Попробовал с пересадками, попробовал даже с того морского курорта. Как-то странно все это. Размышления были прерваны вибрацией телефона. Звонила Мария, которая приняла свидание и просила с этим ускориться, потому что ей завтра выходить на линию в своем call-центре. Договорились встретиться у него прямо сейчас.

К дому подошли трое: Василий, парень из доставки и незнакомая девушка, одетая словно незаурядная личность. Курьер передал пакеты с отмеренной на неделю провизией и попрощался одним из фирменных слоганов. А Василий остался стоять удивленный, глядя, как тонкие (даже в перчатках) пальцы набирают на домофоне номер его квартиры. Он свидания кое с кем ждал, конечно, но тот образ из профиля отличался от тыкающей по кнопкам действительности.

— Вы Мария из дейтинга? Это вы мне звонили?

— Да... А вы что — Василий?

— Да.

— Какая-то ошибка, мой Василий должен быть рыжим.

— Хм. Да уж... И вы не моя Мария.

На пару минут оба уткнулись в свои приложения. Выяснилось, что накладка из-за совпадения имен. Идентификаторы ряда пользователей перемешались в базе и часть свиданий сегодня обрабатывали вручную из-за локальной аварии на сервисе.

— Похоже, все отменилось, — сказал Василий как бы разочарованно.

— Вообще, — с лукавой улыбкой сказала Мария, — вы мне подходите.

— Да и вы мне, — не обидел он девушку.

— Давайте поднимемся?

— Чё, пошли, — согласился он.

Далее действовали по рекомендациям Дейтинга: вино — душ поочередно — вино — любовная схватка — душ опять по отдельности. После, допивая вторую бутылку, поговорили немного. Картонно-прекартонно.

— Мне понравилось, что не попала к рыжему Василию.

— Рад стараться.

— Если не возражаешь, я тебя еще арендую как-нибудь, — и пальцами так при «арендую», словно бы прищелец с раздвоенными культяпками.

— Да и я тебя не прочь.

Поулыбались друг другу.

— Ты слышал про Турбобанк?

— Это у которых все операторы — боты?

— Ага. У них сейчас хорошая кредитная линия. Ты там зареган? — спросила она и закопалась в телефоне.

— Нет еще, люблю больше с людьми общаться.

— Да ну, брось. Деньги не пахнут. Тем более электронные. Ха-ха-ха. Короче, лови мой промокод. По нему первый квартал на половине процентов.

— О'кей.

Опустошая бокалы, поковырялись еще в телефонах. Опустошили. И разошлись.

В темнеющей до гнилоты вечерней комнате, липкий и удовлетворенный, он повалился немного в обнимку с планшетом, а засыпая, договорился с самим собою завтра на перекурах исследовать тему с билетами. И опять сквозь запах лилий навернулась непонятная тревога, которая сделала сальто где-то в груди и успела юркнуть за ним следом в облако грез.

* * *

Нет ничего хуже, чем проснуться, понимая, что не в порядке что-то, и пытаться это припомнить. Он припомнил. Еще до утренних ритуалов открыл агрегатор билетов, но тут поступил корпоративный вызов. Даже не сообщением, а личным звонком диспетчера. Срочно! Срочно! Авария у привилегированного клиента со всеми вытекающими последствиями. Буквально вытекающими!

Не завтракая, схватил расширенный набор инструментов и отбыл по адресу, где проваландался до самого вечера. Хех, эта работа стоила недельного заработка, и он его получил буквально сразу вместе с серией предложений партнеров в корпоративном приложении относительно вариантов растраты: и вейк, и загородный клуб, и курева на месяц, и курсы йоги, и лекции по саморазвитию. Чего только не было!

А еще получил звонок с незнакомого номера.

— Привет, будьте добры Василия, — приятный и честный женский голос.

— Здравствуйте, это я, — неужто из клиентов кто-то?

— Я Маша, вы меня приглашали вчера.

— Да, но там был сбой какой-то, пришла другая Мария.

Растеклось как лужа молчание.

— Извините за беспокойство. Пока, — честный разочарованный голос.

— Подождите, Маша!

И все — бег коротких гудков — отрезвляющий. Да нет, не было гудков. Не то время, не тот аппарат. Соединение разорвалось по инициативе абонента.

Перезвонил, но без ответа. Послonyaлся прямо с инструментами вокруг квартала, не зная, куда податься. И, вдруг звонок!

— Алло, простите, телефон на вибрации в сумке. Я гуляю по парку.

— Гуляете? — словно бы вспоминал значение слова Василий. — А в каком именно парке? Можно я к вам приеду?

И не успел ничего объяснить, попросить. Не потребовалось никаких уговоров:

— В Таврическом, это на «Чернышевской».

Заминка, потому что опешил от прямолинейности, что ли.

— М-м-мне т-туда и ехать не нужно, пешком дойду.

Порылся в картах в поисках ближайшего супермаркета, забежал, кинул в камеру сумку в обмен на ключ с огромным номерным лепестком из пластика. Отправил обновляемые в реальном времени координаты в общий с девушкой мессенджер и полетел.

Маша вышла из густеющих сумерек парка, сливаясь отчасти с ним синим коротким плащом при широком поясе, от чего первыми появились осенняя светлость одетых капроном ног, переходящая в точеные кораблики туфель; затем перчатки, гордящиеся стройностью хозяйкиных рук; и только потом — бережно-красная помада и то, чего Василий давно не видел, — платочек искусной расцветки вокруг головы и шеи.

— Привет. Я здесь озябла, хотите чаю? — простое и честное признание.

— Не откажусь, — и машинально достал телефон. Но запустить приложение не успел.

— Стойте, не надо искать. У меня здесь знакомый работает, у него есть чайник и чай.

Он большой поклонник чая. А рядом кондитерская — купим пирожных.

«Большой поклонник», а не «угорает по чаю», подумал Василий. И это ему сильно понравилось. Захотелось увидеть этого знакомого.

Когда пирожные были куплены, зашли через двор старого дома в каморку, набитую деревянными изделиями самого разного толка. В беспорядке везде стояли настенные украшения, скульптурки, мебель кое-какая свежая и так далее.

— Лет пятнадцать назад это барахло не задерживалось, — басовым смехом вдруг пояснил вышедший из соседнего помещения бородатый мужик — чистый Левша из детской книжки. Маша представила его другом своего папаши (так и сказала — «папаша!»).

И разлили по одномастным, словно коты с одного двора, чашкам чай (вкусный-превкусный), и выпили его, и съели пирожные, и поговорили. В основном в бородатобасовом ключе.

— Вот мне шестьдесят уже, и что? Так? Работаю, копчу потихоньку. Так? Да только что? Никому это теперь не надо. Не надо никому ничего наяву щупать и смотреть. Кому сейчас нужны-то поделки эти? Так? Наберешь ты их, возникнет вдруг обстановка дома. Нужно ее поддерживать и заботиться. Так? А куда проще фотографий приятных где-то наделать да на страничку к себе. Тут тебе и компания счастливая, и интерьеры приятные, и в тарелке красиво. И делать-то ничего не надо. Никто тебя настоящего-то, живого не видит. Так?

Вот и перевелась у меня клиентура. Так? Машка-то знает, это она мне и сайт сделала, и планшет всучила, вон он валяется. Думала, очередь тут ко мне выстроится, продажи пойдут, ха-ха-ха. Так? Да никто ничем не хочет владеть, все хотят попользоваться и бросить. Да только не понимают, что как только выключат свет, так этим «попользоваться» нельзя будет попользоваться! Так?

Он словно знал, какое впечатление производит, словно видел себя со стороны. По-этому и глаза его были во время ворчания строго-лукавыми.

— Почему никому ничего не надо? Потому что заботиться ни о чем не хотят. Ничего не хотят поддерживать. Так? Ни себя, ни порядок, ни других. Какая семья там? За-чем? В приложении нашел девуку, встретился, удовлетворились и разбежались. Благо-дать! Так? Я вот только думаю что? Что раньше-то ты с семьей сильный был. Семейный со всем мог справиться. Оступился — поднимут. Захандрил — пинка дадут и взбодрят. Самому не справиться — родственники помогут: советом, деньгами, участием. Так? Мешает кому-то сильно семья-то. Бессмейному-то кредит легче всучить. Он ведь без кредита ничего и не стоит. Так? Только не понимает, дурак, что с кредитом он еще и со знаком минус ничего не стоит. Так?

Когда вышли со двора, он, не зная, как сказать лучше, произнес:

— Может, ко мне?

— Нет, милый, нехорошо так сразу. Проводи меня лучше до дома — это здесь, через Невский.

Когда он отошел от этого «милый» и выровнял пульс, нашлась и тема для разговора:

— Слушай, а я ведь не могу купить билет к маме.

И промежуток от Радищева до Марата они наполнили сочувствием и парой идей. А общие идеи сцепляют не хуже цемента.

— Позвони мне завтра, — сказала она, прощаясь.

Но он набрал уже через час, после того, как забрал сумку из супермаркета и, скосо-боченный, добрался до своей квартиры.

— Слушай, я позвонил им в call-центр, мы пробовали с оператором купить билет, но их опять не было! Я просил ее сделать это на другое имя — нельзя по закону о пер-сональных данных.

— Вообще, я сейчас проверяла это направление. Билеты есть...

— Почему-то я так и думал. Как же раньше легко было с этим. До введения обя-зательной авторизации в Интернете. Что угодно я мог посмотреть обезличенно, без тонны заточенной под меня рекламы, без дурацких предложений якобы нужных мне направлений. Подозреваю, что при попытке купить на мое имя билет ты получала ошибку.

Пауза.

— Да. Тебе теперь нужно решить, что делать, милый: изучать вопрос (советоваться, спрашивать на форумах) или действовать.

— Я не хочу изучать. Зачем? Вряд ли здесь недоразумение или стечение обстоя-тельств. Тебе не кажется, что уже и саморегулирование закончилось, что идет прямое управление? Никто почему-то не хочет обсуждать это. Нужно действовать, но как, я не знаю еще. Для начала нужно выбрать из этого механизма и посмотреть на потроха со стороны. Но пусть это завтра. Ладно?

— Хорошо.

— Расскажи, если не хочешь спать, о себе.

Речь ее была чистой, без междометий и сорных слов. И были здесь: виденный им старый домик в стороне от Марата, гимназия с языковым уклоном, технический вуз, работа в сервисе ШколаРго, папа-ученый, мама, ушедшая слишком рано, и бабушка, без которой уже месяц. И было еще глубже: про деда и фронт, про ветхую мельницу в Псковской области, про дачу в Токсово, про старый-престарый велосипед «Старт-шос-се». И про то, как накопившееся в разгаре молодости одиночество привело ее в Дейтинг.

— Милый, позвони маме, — сказала Маша в конце беседы.

Да куда сейчас звонить-то — на Урале уже полвторого. Так и заснул не раздеваясь, не ставя телефон на зарядку. Зато совершенно безмятежно, наверное, потому что вы-бросил наконец лилии.

* * *

А наутро все было просто. Он не включил сдохший за ночь телефон, не завтракая, вышел из дома и снял в банкомате за много транзакций и с дикой комиссией все свои накопления, и это был самый важный пункт. И самый тревожный. Купил зажигалку и сигареты. На автобусе проехал несколько остановок. Взял на Разъезжей двадцать пять роз. Расположился, подпирая еще не начавшую работать кондитерскую напротив знакомого со вчерашнего дня двора. И закурил. В десять, как он и ожидал, Маша вышла весело и уверенно на тротуар, перешла дорогу и — ух — удивилась, увидев его и цветы.

И началась череда изменений для них обоих, обещавшая закрутить надолго. Они позавтракали вместе и договорились обо всем, словно бы сто лет планировали. А когда шли уже к автосалону, он с ее телефона набрал маму. Сняла тетя Валя — продавщица в сельском магазине, где мама вчера позабыла телефон.

Они приобрели подержанную, сильно подержанную машину (эх, вот бы он не брал путевку на тот морской курорт!). А затем разошлись по домам собирать вещи.

* * *

— Знаешь, милый, польза приложений неоспорима, — весело сказала она следующим утром, — я вчера сдала квартиру на время, пока отец в экспедиции. Он разрешил, если при условии, что запрю его комнату. Получила плату вперед, поэтому девушка я состоятельная, не жалею бензина, дави на газ.

— Отлично! У меня теперь только горстка наличных и нет телефона. Я постараюсь тебя не терять.

Они не представляли еще, каким будет этот автопробег, что выкинет их машина, кого они встретят на своем пути, чем займутся и чем будут жить дальше, когда приедут.

Василий, думая об этом, улыбнулся: тепло и спокойно было от последнего осеннего солнца, от работающей со звуком печки, от уверенности, которую давала близость девушки, его девушки. И впервые они поцеловались, отстегнув ремни и потянувшись друг к другу. И было это словно бы привычным, словно женаты они не один год.

Ранняя вечерняя дымка разлилась над мегаполисом и окрестностями, когда они продырявили КАД. Давно уже перемещения из точки А в Б — удел приложений, но на загородной дороге, неуверенно подняв руку, остановил их коротко стриженный парень с рюкзаком для долгих странствий. И рассказал в несколько километров свою историю. О том, как не смог купить билета, чтобы вернуться домой.

Василий попросил тогда телефон у Маши:

— Мама, это я. У тебя все хорошо? Ты знаешь, я еду к тебе.